

АЛЕНА ТИЖУФЕРСА

7 ЖЕЧЕЊ

Алена Тимофеева

7 мечей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583198

SelfPub; 2022

Аннотация

Легенда о заколдованном сердце царевны, что пронзили семь мечей. Рождение дочери Луны – стало самым светлым событием для царя и царицы. Радость родителей омрачало лишь сердце царевны, что было чёрствым и лишённым милосердия. И навлекла Луна на себя проклятие: "Бродить тебе по земле с вонзёнными в сердце семью мечами, до тех пор, пока не искупишь ты свои грехи. Да будут, эти мечи тебе напоминаем о страшных деяниях рук твоих". История об искуплении, прощении и любви.

Алена Тимофеева

7 мечей

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь со своею царицей. Жили они в замке на высокой чёрной скале и горя не ведали. Не было на свете зеленее лугов, чем в их царстве, не могли другие страны и княжества похвастаться большим урожаем, красотой гор и холмов, чистотой небесно-голубых озёр, чем их земли. Государь правил мудро, пользовался уважением среди народа. Жена его была добра, уделяла много времени на приём жителей и слушание их прошений, и зачастую горожане замечали её укрытую в одежду простого люда фигуру среди городской толпы. Ох и любили правителей. Но не дарил им Бог дитя. Долго молились царь с царицей. И вот однажды родилась у них дочь, в ночь, когда луна была особенно яркой и большой. Хотя уж надежду всякую они утратили на появление ребёнка в замке. Не было предела их радости. Закатали они такой пир, что за тридевять земель молва о нём шла. И слова о том, как любили они новорожденную, что нарекли Луной, в честь небесного тела, благословившего рождение царевны, были излишни.

Шли годы. Лето сменяло зиму и так минуло восемнадцать лет. Возраст отца стал довольно почтенным, и он начал искать дочери жениха – будущего царя, что займёт трон после его смерти. Несмотря на ослепительную красоту царевны, её

чудесные, подобно серебряному свету, волосы, да голубые, почти прозрачные очи – претенденты на руку и сердце царской дочери не спешили являться в замок. Виной тому был не скверный характер Луны, не дурной нрав. А проклятье, которым наградили её за деяния, что забрали жизни невинных людей.

Когда Луне исполнилось шестнадцать, любила она трапезничать по утрам лишь выпечкой, да с пылу с жару. Но урожай пшеницы в тот год был скуп. Царь и царица, кои являлись справедливыми правителями отказались от пышных обедов, и распределили зёрна среди народа, даже знати меньше досталось. Ох и недовольна осталась царевна, что ни день – то крики, подобные воплям умирающему от страшной хвори страдальца. В один из таких дней схватила Луна свой расширенный серебром плащ и умчалась на коне, цвета вороного крыла прочь. Долгим её был путь, но дорога усмирила немного гнев и прояснила голову. Голод, давший о себе знать, спустя пару часов путешествия навёл царевну на мысль о возвращении в замок. Внезапное дуновение ветра, что донесло до её носа восхитительный запах только что испечённого хлеба, манил за собой. Вскоре она остановилась возле небольшого бревенчатого домика, где у открытого окна лежал завернутый в белую ткань источник аромата. Царевна спешила. Что делать дальше, Луна не знала. Украсть? Не подобает дочери царя такое поведение. Её раздумья прервал юношеский звонкий голос:

– Царевна? – в голосе мальчишки слышалась ирония. Луна, с надменным видом повернулась к нему:

– Я хочу тот хлеб, что лежит у тебя на окне. Принеси мне его, – приказала царевна. Худощавый мальчик, по виду ровесник Луны, стоял, оперевшись на вилы, и он весьма смело глядел царской дочери в глаза.

– А волшебное слово? – светлые брови Луны свелись к переносице. К такому обращению она не привыкла.

– Я сказала, принеси мне этот хлеб, немедленно. Или я прикажу повесить тебя. – Голос царевны звучал столь холодно, что от тона её могла наступить зима. Мальчишка лишь рассмеялся.

– Аль не государь ли наш, распределял запасы пшеницы, царевна? – юноша нисколько её не боялся.

– Я царевна, ты должен меня слушаться! – Луна от нетерпения топнула ножкой.

– На этой земле все равны. Вот поцелуешь, тогда и поделюсь с тобой хлебом, – и подхватив вилы, мальчик направился в сторону покосившегося сарая. Луна прикусила губу. Запах выпечки влёк к себе подобно песням ярмарочных зывал.

– Стой! Хорошо, я подарю тебе поцелуй. Но сначала – дай мне хлеб. – Мальчик повесил вилы на стену.

– И имени моего даже узнать не хочешь? – юноша подошёл ближе к Луне.

– На кой мне твоё имя сдалось? Неси хлеб, или поцелуя

не будет. – Мальчик огорчённо кивнул, и забрал с окна уже остывший хлеб. Вернувшись к царевне, что уже протянула руку к заветному кругляшку, спрятал свёрток за спину.

– Не так быстро. Как только коснёшься моих уст своими, так и получишь свой хлеб. – Луна даже скрипнула зубами от негодования. Сделав шаг к юноше, она приблизила к нему своё лицо, и прямо в приоткрытый рот со злостью прошипела:

– Никогда не поцелую простолюдина. Это всё равно что породистому скакуну жить в хлеву со свиньями, – и одной рукой с силой толкнув мальчика, а другой выхватив мягкий хлеб, царевна побежала к заждавшемуся её коню. Глухой вскрик заставил Луну замереть на месте. Она медленно повернула голову, на её прекрасном лице застыла гримаса ужаса от увиденного. Крестьянин, чьё имя царевна так и не удостожилась узнать, истекал кровью. Его грудь пронзали острия вил. Из рта, издававшего хриплые звуки медленно сочился багровый ручеёк. На светлой, сшитой из грубой ткани рубашке, расцветали тёмно-красные пятна.

– Сам виноват, – прошептала царевна и, выронив хлеб, быстро взобралась на коня. Луна уже направлялась в сторону замка, подгоняя Воронка изо всех сил. Женский пронзительный вопль, раздавшийся позади, вспугнул стаю птиц. Но никакая неведомая сила не заставила бы царскую дочь обернуться в тот момент. Это была первая забранная ею жизнь.

Вторую и третью Луна отобрала на балу, устроенному в

честь дня рождения царицы. Мать Луны надо признать, тоже обладала чудесным ликом, стройным станом, на царицу, казалось, и прожитые годы не повлияли. Присуждали злые языки романы правительнице с различными послами да князьями, но верна она оставалась своему супругу. Чествовали тем вечером мать Луны не хуже царя. Одними из тех, кто хотел поздравить царицу, были князь южных земель со своим сыном. Юный княжич – хорош собой, статен и, по слухам, являлся храбрым воином. Луна, несомненно, подпала под влияние его чар, но заметив интерес со стороны княжича к своей матери, она не смогла с этим смириться. Ночью, когда гости разошлись по спальням, царевна обнаружила милого её сердцу сына князя, беседовавшим с царицей на балконе. Дождавшись, когда мать удалится, Луна вышла из своего укрытия. Неспешно приблизившись к княжичу, она коснулась пальцами руки юноши и негромко произнесла:

– Матушка наверняка утомила тебя, княжич, своими разговорами, она порой бывает невыносима. – Сын князя удивлённо на неё взглянул и, убрав свою руку, покачал темноволосой головой:

– Царица достойнейшая женщина, она не может утомить. – Он хотел было уже уйти, как Луна, по всей видимости, одолеваемая неизвестными ей доселе чувствами и выпитым за праздничным ужином вином прижалась к широкой груди княжича.

– Царевна, будь благоразумна! – он мягко постарался

разомкнуть объятия.

– Ты смеешь отказывать мне?

– Побойся Бога! Что скажет государь? – в ответ на эту фразу ноздри Луны гневно раздулись, глаза потемнели.

– Никто не смеет мне отказывать. – Её длинные руки вновь обвили шею молодого княжича, и тот в отчаянии отступил.

– Умоляю, царевна, опомнись! – уворачиваясь от настоячивых рук и губ царевны, юноша упёрся спиной в ограду балкона и, не выдержав напора Луны, оказался летящим вниз, прямо в бурлящую реку, что бежала вокруг скалы, на которой и был построен замок.

– Что же ты наделала, милая? – голос матери громом порастил стоящую в оцепенении Луну.

– Ну, зато он тебе не достанется, – с тихой злостью сказав эти слова, царевна распрямила спину и гордо прошествовала мимо царицы.

– Сердце у тебя твёрже камня и холоднее льда. Нет у меня выбора... Долг мой – принести весть об этой чудовищной трагедии твоему отцу. Бедный княжич. – На щеках матери заблестели слёзы, она вышла в коридор и направилась в свои покои. Луна не могла этого допустить. Княжич не крестьянин. Ей это так просто с рук не сойдёт. Догнав мать, царевна дёрнула ту за рукав бархатного платья.

– Не смей никому говорить. Никто не видел меня кроме тебя. Он сам упал. – Царица глядела сквозь слёзы на дочь и

словно, не узнавая собственное дитя, проговорила:

– Не хотела я внемлить молве, слух об убиенном мальчике из деревни разнёсся быстрее ветра. Отгоняла от себя до последнего перешёптывания слуг. Ясно мне теперь. Мы с царём позаботимся о тебе. – Мать Луны хотела уйти, но хватка дочери была крепкой.

– Луна пусти, ты делаешь себе только хуже. – В руках царицы остался кусок синего бархата, а мать, не удержавшись на ногах, упала наземь. Да так, что больше не встала. Возможно, у царицы и правда сердце превратилось в камень, ведь при виде мёртвой матери она не почувствовала ничего, кроме облегчения. Ей оставалось только лишь скрыться в своей комнате.

Горевал овдовевший царь целый год, а с ним и всё его царство. За это время не устроили ни одного праздника, ни одного пира или торжественного приёма. Вся жизнь замерла. Лишь времена года сменяли друг друга как часовые, а Луна скучала. На пороге своего семнадцатилетия она уговорами и мольбами заставила отца отпраздновать свой день рождения. Съехалось народу со всего света, уж, казалось, в замке места не хватит. Среди гостей оказалась старшая дочь князя южных земель, который так и не оправился после смерти сына. Как она была похожа на почившую царицу. И ожило сердце царя вновь. День рождения царицы отмечали вместе со свадьбой. Спустя девять месяцев родился у новой царицы сын. А Луну одолевал страх. Боялась она, что теперь отпра-

вят её в чужие земли, в другое государство с нелюбимым, а её царство достанется брату, пусть и через много лет.

Наступила зима. Такая лютая, что лишний раз нос на улицу не высунешь. Маленький царевич заболел. Громко плакал. От этого плача у Луны раскалывалась голова. Молодая царица, не подпуская к своему сыну никого, кроме лекаря, взмолилась:

– Посиди с ним, хоть немного, молю тебя, – белые руки мачехи в отчаянии обхватили пальцы падчерицы. Круги под глазами от бессонных ночей, делали царицу не такой красивой, как в день свадьбы, и это успокаивало страдающую завистью Луну.

– Извини, и минутки то свободной нет, – Луна, высвободив пальцы, намеревалась покинуть царицу, но мачеха воскликнула:

– Неужели у тебя совсем нет сердца? Я не спала два дня и две ночи. Боюсь случайно навредить дитя, а слугам не верю. Прошу. – Воспоминание о матери, в ночь, когда Луна видела её в последний раз, острым уколом вины пронзило сердце.

– Твоя взяла. Недолго. – Царица облегчённо выдохнула.

– Благодарю, царевна.

В небольшой колыбельке лежал бледный орущий младенец. Луна попыталась взять братика на руки, но содрогнулась от омерзения. Липкое маленькое тельце внушало ей лишь отвращение. Она положила его обратно в колыбель. Царевна опустилась в кресло рядом с кроватью. Через ка-

кое-то время младенец перестал плакать, наступила блаженная тишина, прерываемая лишь потрескиванием дров в камине. Закралась в голову Луне мысль, что надо бы проверить брата, но уж очень уютно ей было в кресле и она вскоре задремала. Разбудила её звонкая пощёчина. Подскочив на месте от неожиданного удара, в мгновение ока проснувшаяся царевна приложила свою ладонь к горячей щеке. Перед её взором предстало заплаканное лицо царицы:

– Мой мальчик умер, перестал дышать. Почему ты не позвала меня? Как ты могла мирно спать? – Луна лишь хлопала ресницами и едва слышно пролепетала:

– Я думала, он заснул, я просто...

– Уйди с глаз моих долой. Убирайся! – зашлась мачеха в безудержных рыданиях, баюкая смолкшего навсегда маленького царевича.

Луна выбежала из царской опочивальни. В ту ночь не было ей покоя. Её серебряные волосы разметались по шёлковой подушке, бледный подобно алебастру лоб намок. Что-то заставило царевну покинуть свою постель. Может, это был свет непривычно огромной луны, может, завывания ветра за окном. Она, миновав стражу замка, спустилась в подполье. Не чувствуя ни холода, ни стужи, в одном, предназначенном для сна одеянии, девушка брела по подземным коридорам, до тех пор, пока наткнулась на незапертую дверь, в самом дальнем конце. Дубовая крепкая дверь скрывала за собой большой зал, и с приходом в него царевны мгновенно

вспыхнули все факелы в комнате. Пламя осветило небольшой пруд, а рядом с ним стоял старый, местами покрытый ржавчиной сундук. Медленно шаг за шагом, Луна приблизилась к сундуку. Со скрипом крышку удалось поднять. Внутри покоились семь серебряных мечей, начищенных до такого блеска, что царица могла видеть в лезвиях своё отражение. За спиной раздался громкий плеск. В испуге Луна развернулась к водоёму. Из воды неторопливо выбирались люди, и к своему великому ужасу знакомые ей.

– Твоя гордыня, чревоугодие и гнев погубили меня, – гулко раздался голос умершего крестьянского мальчика, с которого стекала вода на каменный пол.

– Твоя похоть лишила меня жизни, отец не смог смириться с утратой, – грустно качал головой, погибший княжич.

– Твоя зависть отняла и мои непрожитые годы, Луна, – плакала мёртвая мать. – А твоя алчность и лень сгубили царицу, – царица покачивала, казалось, спящего брата Луны.

– Бродить тебе по земле с вонзёнными в сердце семью мечами, до тех пор, пока не искупишь ты свои грехи. Да будут, эти мечи тебе напоминаем о страшных деяниях рук твоих, – хором произнесли голоса покойников. В тот же миг поднялись орудия из сундука в воздух да пронзили острые лезвия сердце Луны.

В немом крике проснулась царица в своей постели и лишь разорванная рубашка прямо над сердцем, сеяла в её душе сомнения, что был это не сон. Мучили Луну и днём

и ночью боли в груди, словно и правда из неё торчали семь огромных мечей. Отец созвал знахарей, лекарей, целителей со всех дружественных земель, но никто не мог излечить царевну от загадочной хвори. Тогда передали дело церкви. Много было священников в их большом государстве, решили, что это происки Дьявола. Но и тут священнослужители разводили руками. Только одному старцу, царевна решила поведать о странном сне. Пожилой священник лишь спросил:

– Правдивы ли те обвинения? – Луна в ответ разрыдалась впервые в своей недолгой жизни не из-за капризов, а от грусти и тоски.

– Покайся перед отцом своим. – Царевна протяжно всхлипнула и кивнув, направилась к царю. Долгий вышел у них разговор. Отец плакал, дочь вымаливала у правителя прощение.

– Не держу на тебя зла, милая Луна. Знал я обо всём и давно простил тебя. – Но почему-то сердце царевны разболелось пуще прежнего.

Шли годы, а на душе становилось лишь тяжелей. В жёны Луну с потухшим взглядом и неугасаемыми болями никто не брал. Подошла она вновь к царю.

– Правда ли ты меня простил, отец? Или я ещё не заслужила прощения? – царь печально глядел на дочь.

– В тот же миг. А простила ли ты себя? – подобные мысли и не закрадывались в голову царской дочери. Как можно

винить самого себя? И горькой была для неё правдой. Кто же, кроме, неё был виноват в смерти тех людей? Да ещё и среди которых была её мать и только начавший жить братик. Вместе с проступившими на глазах слезами, немного уменьшилась боль.словно из него вынули один меч. И поняла Луна, что не сможет она жить со столь измученным сердцем. Царь не узнавал свою дочь. Она стала принимать участие в делах государства, её можно было заметить в городе. К хлебу она не притрагивалась более. Вся пшеница, что была выделена на её долю – роздана беднякам. Понемногу мечи исчезали из её груди. Иногда и улыбку замечали на лице Луны. Вот только она считала свои добрые дела недостаточным искуплением. Тогда оседлала она своего чёрного Воронка и умчалась куда глаза глядят. Брела она по городам и деревням, пока судьба не привела её в лес. Такой чёрный и густой, что Луна думала не покинет его никогда. Раздирали колючие ветки серебряный плащ, увядающая листва путалась в некогда гладких волосах царевны. Что день, что ночь – не поймёшь. Нашёптывали страшные слова лесные духи. Ужас, ледяной рукой сжимал сердце Луны, когда до ушей её доносился звериный вой. Не смела царевна остановить коня. Так и заснула она, погрузив лицо в мягкую гриву. Ступили копыта Воронка в воду, и конь в испуге зашёлся в тревожном ржании. Встрепенулась царевна и, завертев головой, заметила в тусклом лунном свете бледные руки, что, раздвинув русалочки цветы, тянулись к её жеребцу из озера. Душа

Луны ушла в пятки. Картина рокового сна вновь застлала её очи. Но длань с длинными перстами, показавшая из воды, принадлежала утопленнице незнакомой ей доселе. Покинув озеро, перед взором царевны предстала мавка, облачённая в белую рубашку доходившей той до самых пят. Чёрные волосы утопленницы мокрым полотном ложись ей на спину. Луна в страхе натянула поводья.

– *Не бойся меня, дитя,* – тихий, глухой голос скользнул в разум царевны. Оставались мавкины уста неподвижны. Конь фыркал и бил землю копытом. Прижалась утопленница всем телом к встревоженному Воронку и в одно мгновение затих он.

– *Ступай за мной,* – велела хранительница озера. Луна не смела послушаться. Вскоре тьма леса стала рассеиваться. Золотой проблеск среди деревьев, вывел их на опушку. В высокой густой траве росло одно единственное дерево, чьи изящные ветви пылали золотом. От такой красоты у царевны захватило дух. Протянула она руку к ближней ветке, и с хрустом та отломилась, оставшись светиться у Луны в руке.

– *Теперь ты сможешь возвращаться на землю из царства мёртвых.* – Мороз по коже от слов мавки. Дерево погасло да превратилось в пепел. Лишь сорванная ветвь продолжала гореть огнём.

– Но зачем? – удивлённо спросила царевна, жаль спрашивать уже было некого. Вернулась спустя три дня и три ночи Луна в замок. И вовремя успела она. Отец был совсем

плох. Царица не отходила от постели мужа. Лишь желал правитель попрощаться с дочерью. Мачеха оставила их одних. Луна быстро вложила в ставшие холодными руки царя горевшую золотом ветвь, которую она прятала в складках изорванного плаща.

– Отец, ты сможешь вернуться в мир наш, возьми её, – настойчиво шептала на ухо царю дочь. Но тот её уже и не слышал. Вскоре вернулась царица, успела Луна укрыть ветвь от её глаз и оставила оплакивать отца. В сердце ещё чувствовались уколы меча. Как Луне думалось – одного-единственного. Вышла она на тот самый балкон, откуда когда-то обрушился камнем на землю княжич южных земель. Поглядела она с тоской на реку и сжав ветвь золотую в руке, приблизилась к краю. Кинув прощальный взгляд на замок, Луна прыгнула вниз. Полёт ей казался бесконечным. Упав в реку, тело царевны, несмотря на бурное течение, быстро опускалось на дно. Лишь свет ветви, не погасший в воде, придавал ей уверенности, что сможет она ещё вернуться. И поглотила её вскоре тьма. Ни воды, ни света, кроме того, что излучала ветвь – не видать. Брела она в темноте, прислушиваясь к голосам, что звали её. Но не были они ей знакомы. Стремилась она всей душой отца отыскать. Понемногу тьма отступала. Увидела Луна ту самую комнату с прудом и сундуком. А из сердца царевны торчал меч. С лёгкостью вынула она его и, вытерев своим плащом, вернула к остальным шести. Никто не явился за ней. Дверь была заперта. Набрал в лёгкие

побольше воздуха, царица шагнула в воду. Оказалась вновь на балконе. Ветви в руках не было. Впервые за долгое время, Луна смогла вдохнуть полной грудью, без терзающей сердце боли. Мечи были сложены. Как и подобает царице, она помогала вдовствующей мате с правлением. А та вскоре вышла замуж вновь. Решилась Луна попытать счастья в южных землях, которым без злого умысла, принесла столько горя. Правитель юга передал свою власть единственному оставшемуся сыну, что на год был младше царицы. Вскоре новый молодой князь и Луна скрепили свой союз священными узами брака. Так и сложилась легенда о царице и семи мечах.

**Изображение для обложки создано с помощью нейросети «Midjourney».*